

Кульминация репрессий

Смерть Навального – серьезный удар по российской оппозиции. Но еще не все потеряно. Возможно, жена продолжит его дело?

Смерть Алексея Навального в исправительной колонии особого режима *ИК-3* в зоне вечной мерзлоты за полярным кругом – драматическое, трагическое событие. Вряд ли удивительное, и все же в это трудно поверить. За несколько дней до вывода украинских войск из Авдеевки и незадолго до годовщины убийства Бориса Немцова новость о смерти Навального выглядит как злая шутка.

Смерть Алексея Навального – это уже третье потрясение для путинской системы за последнее время. Спустя почти два года после вторжения в Украину и восемь месяцев после мятежа «Вагнера» события этих дней стали еще одним доказательством того, насколько сильно в России преобладают внезапные, шокирующие, тайные процессы. Насилие, похоже, является последним оставшимся инструментом политики. У российского общества нет иного выбора, кроме как наблюдать за Путиным, Пригожиным и Навальным в их триумфах и трагедиях.

Вот уже четверть века Кремль старается скрыть реальные механизмы правления за плотной завесой постановок и манипуляций, прежде всего от собственных граждан. Политика в России – это театр. Проверенная стратегия, которая подпитывает цинизм и способствует развитию апатии. Однако вышеупомянутые частые потрясения слишком сильны, чтобы держать их под контролем цензуры и пропаганды. Каждый раз *polens volens* обнаруживается недооцененная доселе слабость системы.

Долгое время люди верили в коллективный характер принятия решений в российском руководстве. Один из популярных тезисов заключался в том, что Путин так долго продержался на посту президента прежде всего потому, что умело лавировал и выступал в роли арбитра между различными группами элит. Но после 24 февраля 2022 года Россия и весь мир узнали, что важнейшие решения принимаются в гораздо более узком кругу, чем принято

считать, возможно, даже совершенно авторитарно. Система, в которой доминирует один человек, фатально привязана к его жизненному циклу.

*Насилие, похоже,
является последним
оставшимся
инструментом
политики*

Восстание вагнеровцев также пошатнуло старую российскую аксиому о власти: Россия – сильное государство, потому что владеет дорогостоящей и чрезвычайно организованной монополией на применение силы. Более десятка компетентных служб, органов власти и сотрудничающих с ними частных охранных предприятий, несколько миллионов человек с оружием, постоянно растущие бюджеты на безопасность – и при этом ни один человек в форме не встал на пути колонны Пригожина по собственной воле и искреннему чувству долга, пока из Москвы не поступили четкие указания. Может быть, все затянулось именно потому, что круг тех, кто принимает окончательные решения, стал таким маленьким? А разве у сотрудников милиции и армии есть иммунитет к парализующему влиянию вездесущих политических инсценировок?

Тем не менее смерть Алексея Навального не поддается кремлевской интерпретации. Большая часть российского общества считает ее убийством, что неудивительно, учитывая возмутительную «игру в прятки» вокруг его тела и явное признание летального исхода из-за чрезвычайно жестких условий содержания. Не исключено, что на него действительно было совершено повторное покушение, хотя правду мы, скорее всего, никогда не узнаем. Впрочем, это уже не так важно, как и вопрос о том, действительно ли самолет Пригожина упал с неба сам по себе. Люди верят в неопровержимое интуитивно. В системе постановочной, фальшивой политики важно только то, во что верят люди. А для подавляющего большинства это выглядит следующим образом: Владимир Путин, самодержец России, сначала упрятал своего главного оппонента Навального как можно дальше, а потом казнил его. Является ли это признаком силы и суверенитета, особенно в глазах правящей политической элиты?

Ответ – да. Смерть Алексея Навального глубоко потрясла российских диссидентов, которые находили в его лице поддержку и

ориентиры как в изгнании, так и в самой России. Навальный, как никто другой, чувствовал, сколько энергии и протестного потенциала было в якобы апатичном российском обществе. Он успешно создавал альянсы между разрозненными оппозиционерами, оживлял публичную политику уличными кампаниями и дебатами, вдохновлял массовые демонстрации и неоднократно создавал инновации, которые привлекали молодых нециничных сторонников – то на YouTube, то через сеть активистов.

*Смерть Алексея
Навального глубоко
потрясла российских
диссидентов*

Он не поддался соблазну стать столичным, московским политиком, а постоянно поддерживал связь с самыми разными уголками страны, тратя на это много времени и сил. Самое главное, он неоднократно пытался противопоставить фатализму разочарованных и пожилых людей стратегии, которые работают, только из-за манипуляций чуть не стал мэром Москвы и тем самым наглядно продемонстрировал, что политическая активность – это не бессмысленное времяпрепровождение. Другими словами, он показал целому поколению своих соотечественников то, что пытается скрыть Кремль: какой может быть политика, ориентированная на будущее, республиканская, полная надежд и открытая для диалога.

Навальный также продемонстрировал способность извлекать уроки из своего раннего националистического эпатажа, во время заключения он выучил несколько фраз на языке своих сокамерников-кыргызов, а также совсем недавно выступил в защиту прав дискриминируемых заключенных-мусульман. Его жизнь и деятельность стали общедоступной дидактической коллекцией конкретных примеров того, как Россия не обречена навсегда оставаться под проклятием автократии, а имеет реальные альтернативы вечной культуре подданничества.

Кремль распознал эти навыки и стратегии – и верно оценил их как опасность. Организация Навального была жестоко разгромлена. Следует ожидать дальнейших расследований и судебных разбирательств в отношении ее членов. И смерть Алексея Навального – логическая кульминация репрессий, окончательный отказ от терпимости к потенциально значимым альтернативам.

Через месяц Путин будет утвержден на посту президента Российской Федерации, как и планировалось, в результате плебисцита. Согласно конституции, которую он сам изменил, у него будет время до 2036 года, чтобы реализовать все задуманное. Его публичные, исполненные энтузиазмом, историзирующие заявления ясно показывают, что даже окончание российско-украинской войны не означает автоматического удовлетворения геополитических амбиций российского президента.

*Смерть Алексея
Навального – логическая
кульминация репрессий,
окончательный отказ
от терпимости к
потенциально значимым
альтернативам*

Что его явно перестало волновать, так это вопросы внутреннего аппарата власти: президентская администрация довольно спокойно ведет предвыборную кампанию, избирательный бюллетень короче, чем когда-либо, и даже эксперименты с квазиальтернативным кандидатом вроде Бориса Надеждина были быстро отложены.

И вот теперь – мрачная игра слухов и домыслов, которые уже невозможно прояснить и сдержать, новые сомнения в качестве принимаемых властью решений (в СССР были бы приняты меры предосторожности, чтобы не потерять такого VIP-заключенного «по ошибке»), мученик незадолго до выборов. А еще энергичная, подлинная представительница политического наследия Навального, недостижимая для российских спецслужб. Блестящее, идеально срежиссированное выступление Юлии Навальной войдет в историю политических манифестов. Она не только сумела принять горе и шок своей многомиллионной аудитории. Она не стесняется апеллировать к гневу, ярости и даже ненависти, которые сейчас испытывают многие сторонники Навального. С терапевтической точки зрения, это важный шаг на пути от отчаяния к обретению мужества. До сих пор ни у кого из российской оппозиции еще не было авторитета, навыков общения, команды, ресурсов и подходящего момента для такого предложения консолидации.

В некрологе Навальному социолог и философ Григорий Юдин цитирует Теодора Адорно (который, в свою очередь, цитирует Кристиана Граббе): «Спаси нас может лишь отчаяние». Нужно дойти до последней глубины отчаяния, чтобы лишиться ненужных иллюзий – и тогда наконец откроется возможность действия. Нужно отречься от спасительных отговорок: «сколько еще Путину осталось», «война все равно скоро закончится», «что я могу сделать как личность».

Навальный говорил о своей жене: «Она гораздо жестче меня». Ей бы не помешала эта жесткость. Внезапно она стала своего рода кандидатом в президенты от альтернативной России, даже если ее имени нет в избирательном бюллетене. Через три дня после смерти мужа. Как будто она читала Адорно.

Алексей Юсупов
Берлин

Алексей Юсупов (Alexey Yuzupov) – руководитель Российской программы Фонда им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял Представительства Фонда в Мьянме, Афганистане и Казахстане. Он также работает политическим консультантом и модератором.